

Добрый Ипполит и его "Душенька"

"Love story" галантного века

Издательство "Ладомир" выпустило поэму Ипполита Богдановича "Душенька" – так "хорошо забытое старое", что, скорее всего, ни имя автора, ни название поэмы ничего не скажут современному читателю. Однако эта книга, бесспорно, была одной из сенсаций своего времени – если, конечно, это слово применимо к XVIII – Екатерининскому – веку. И его бестселлером, выдержавшим несколько изданий. Очарование "Душеньки" испытывали самые блестательные умы эпохи – от Карамзина до юного Пушкина. Однако слава ее была недолговечна: уже к 30-м годам следующего столетия ее жестко критиковали – почти за то, что так недавно ценили. Позднее о ней просто забыли. Проверку временем она не прошла, а ее автор Ипполит Богданович так и остался в задних рядах истории литературы, за мощными фигурами Державина, Хераскова, Сумарокова, Муравьева. Никакими тираноборческими амбициями Ипполит Федорович, беспоместный дворянин, не страдал, напротив, жил исключительно на халование и был в нем крайне заинтересован, как и в покровительстве высоких особ, так что и истории отечественного свободомыслия не пригодился. Всю жизнь много и усердно трудился, однако даже современники из его весьма объемного и разнообразного литературного творчества безусловно оценили только "Душеньку". Одним словом, может, скромное место в истории ему досталось вполне по заслугам.

Однако недооценивать его все-таки не стоит. Не часто о произведениях – пусть даже весьма значительном – можно сказать "впервые". А "Душенька" удостоилась такого отзыва своих знаменитых современников. "Богданович, – писал Н. Карамзин, – первым на Русском языке играл воображением в легких стихах". А Батюшков назвал поэму "первым и прелестным цветком легкой Поззии на языке на-

шем, означенным истинным и великим талантом". Другое дело, что век "легкой поэзии" в русской литературе оказался недолгим. И уже В. Белинский считал ее недоразумением из того смутного времени, когда и понятия-то не имели, что такое поэзия вообще. Надо сказать, что и сам Ипполит Федорович, в годы своей литературной юности воспел за Херасковым стремившийся исправлять нравы, относительно "Душеньки" иллюзий не питал, считая ее забавным времяпрепровождением как для автора, так и для читателей. Тем более не мыслил себя первопроходцем или новатором, однако именно с этой поэзией исследователи связывают появление в нашей литературе бурлеска и пародии. Разумеется, это был еще далеко не наш знаменитый "смех сквозь слезы". Но это был смех, утверждавший, что у великого и героического есть оборотная, нелепая сторона, и если оценивать поступки и помыслы богов и царей по обыкновенным человеческим меркам, то от пафоса не останется и следа. Конечно, Ипполит Федорович ничего противозаконного в виду не имел: "добрый Ипполит", как называл его В. Кюхельбекер, был просто поэтом, не больше, разве что еще добровестным чиновником. Он просто не любил Гомера, как не любил его Вольтер. Кстати, просвещенная Екатерина, несмотря на свой прагматизм имевшую несбыточные претензии быть почитаемой как великая государыня и одновременно любимой как слабая женщина, поэму оценила и даже заказала автору произведение аналогичное, где также органично сосуществовали бы русские народные сказки и европейские литературные мотивы. Однако оно у Богдановича не получилось.

"Душенька" обозначила характерную особенность русской читающей публики, сохранившуюся до наших дней: при всем почитании качественной психологической сложной лите-

ратуры она охотно читает незатейливую, массовую. Вот и в начале позапрошлого века критики констатировали: поэмы Хераскова все знают по названиям, а "Душеньку" наизусть. Так что свою роль в приобщении читателей еще не самой читающей страны к литературе она сыграла.

Как ни парадоксально, наибольшей критике "Душенька" подверглась именно тогда, когда явился самый замечательный ее иллюстратор. Именно рисунки Федора Толстого, художника, энциклопедиста и знаменитого масона, поразившие современников изысканной лаконичностью, простотой и точностью линий, побудили критиков резко порицать поэму за вульгарность, эклектичность, множество просторечий – "пренизких слов".

Издательство "Ладомир" собрало под одной обложкой всю историю "Душеньки": и первый ее вариант – "Душенькины похождения" – и окончательный, который так очаровал ее современников, и иллюстрации Толстого. Это прекрасно выполненное, действительно академическое издание, тщательно откомментированное, с замечательной вступительной статьей Андрея Зорина. Однако интересно ли оно только как памятник эпохи – своему галантному веку? Совсем не исключаю, что многие нынешние читатели получат искреннее удовольствие от этой легко и просто рассказанной истории – истории любви бога и земной девушки, точнее, ее души, как получают удовольствие от вещей наивных, старомодных, но подлинных. В конце концов, все в ней сказано правильно: и то, что любовь – это испытание, и то, что ее надо заслужить, и то, что надо быть ее достойным. Да и интересно, как в один из самых знаменитых мифов об Амуре и Психее затесалася наш Змей Йорыныч...

Марина ИВАНОВА

Ф. Толстой. Иллюстрация к поэме "Душенька". 1829 г.